

ЧУЖИЕ СНЫ

Главное — вовремя
проснуться.

ДАРЬЯ
СОЙФЕР

Annotation

Бывшая балерина, байкер и девушка, которая никогда не выходит из дома. Что между ними общего? Каждый из них видит сны, полные красок и живых эмоций. Одни сны страшные и невыносимые, их хочется забыть. Другие настолько прекрасны, что в них хочется остаться.

Безучастный голос психотерапевта – единственное, что связывает этих незнакомцев с реальностью. Загадочное убийство превращает их в подозреваемых. Теперь у них есть общая цель – доказать свою невиновность, пока самые страшные ночные кошмары не стали реальностью.

Дарья Сойфер

Чужие сны

Моему другу Мураду – за месяцы в ритме рока

Text Copyright © 2019 Дарья Сойфер
Автор изображения на обложке Jessica Lia
ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

* * *

1. Спи, как доктор прописал

Лия

ПОД НОГАМИ ГРЯЗНЫЙ тающий снег. Жижа, размазанная по асфальту сотнями ботинок. Серые сугробы с черными пиками. Ветер треплет полосатые ленты: возможен обвал сосулук. Люди мнутя у перехода, светофор безнадежно мигает желтым. Слева, справа ползут машины. Не разглядеть фар, номеров. Все одинаково забрызганы грязью. Кто-то притормаживает – и словно прорывает дамбу: толпа валит на другую сторону.

Поворачиваю голову вправо – вниз по дороге площадь. Холодно, мокрые волосы прилипают к щекам. Бегу к темному гранитному зданию. Все спешат, пригнувшись от ветра. Одна фигура, отделившись, сворачивает между домами. Мужчина. Иду за ним. С тихим жужжанием светится над головой неоновая вывеска. Он крепко сжимает пакет в руке. Высокий, сутулый. Размашистые шаги. Даже не видит, куда наступает, штанины мокрые от снежного месива. Под ногами хрустит соль.

В проулке темно. Еле поспеваю за ним. Воздух густеет от темноты, кажется, я уже не различаю его в тени дома. Нет, вон он. Снова переходит дорогу. Оглядывается по сторонам. Пугливо? Растерянно? Не вижу. Торопливо заходит в магазин. Звон колокольчика, хлопок двери. Вывеска «Фарфор», широкие яркие витрины. Чайник, чашки, блюдца. Все такое английское, утонченное. С крохотными гусями в синих шапочках.

Не могу открыть дверь – пальцы не слушаются. Изо всех сил стараюсь взяться за длинную металлическую ручку. Конечности будто чужие, набитые мокрым песком. Ну же, мне надо войти! Скорее! Рука падает тяжелой плетью. Тело мякнет, оседает на грязный асфальт. Стой, стой, не падай! Прижимаюсь лбом к холодному дверному стеклу. Тюлевая занавеска, плохо видно. У прилавка горит свет. Вот он, тот человек. Что он говорит? Машет рукой. Кажется, кричит.

Воздух влажный, текущий. Обволакивает голову, глаза, уши. Тянет вниз. Звуки вязнут в киселе, глоснут. Мимо плывут машины, мутный свет фар. Тело сползает вниз по стене. Кто-нибудь! Помогите! Помо... Нет. Никто не видит меня.

Взгляд упирается в шершавую стену. Кусочек крас ки откололся, под ним виден почерневший кирпич. Как же хочется спать... Нет, нет, нет! Не закрою глаза! Из тишины доносится звон колокольчика. Тот человек! Он выходит на крыльцо. Бледен, глаза блестят. Темные, пустые. Отчаяние. Эй, стой! Ты должен услышать меня! Я тут! Эй!

Не видит. Он не видит меня. И не слышит. Почему рот не открывается? Я должна кричать! Кто пропитал мои легкие смолой? Пусть остановится, пусть обернется! Он не должен идти туда... Нет, не видит. Проводит рукой по лицу, словно стирая с него всякое выражение. Идет понуро. Стой, обернись! Но я ведь знаю уже, что не обернется. Сутулый силуэт расплывается от слез. Не ходи...

Он резко сворачивает на проезжую часть, срывается с тротуара под колеса. Жалобно визжат тормоза, еще бы чуть-чуть – и все кончено. Но из-за первой машины вылетает вторая. Летят брызги лобового стекла. Медленно, торжественно. Искрятся от света фонарей, сверкают, и это сияние сливается в слепое пятно. Осколки падают на асфальт. Как тихо... А он лежит. Глаза широко открыты. И в гладкой черной луже вокруг его головы отражается

небо. Что ты наделал?..

Лия повернулась на спину, открыла рот, тяжело дыша. Это липкое похмелье кошмара... И почему она вчера не послушала врача и не выпила таблетку? Пусть бы сохло во рту, пусть бы дрожали руки, а сердце стучало барабанной дробью. И даже мысли вяло барахтались бы, как муха в желе. Тогда не пришлось бы видеть того человека. Снова.

Осторожно, стараясь не шелестеть одеялом, Лия приподнялась, оглядела палату. Кажется, из них всех самым нерадивым пациентом сегодня оказалась именно она: пропустила очередной прием лекарств, а потому не спала глубоким медикаментозным сном, как остальные. Странно, что соседки сегодня проявили такое смирение, ведь именно женское отделение славится изобретательностью: они готовы на все, чтобы избежать лишней дозы аминазина. Ходят же пугалки про выпадение волос, зубов и раздутые задницы.

Лия вела себя примерно, до уколов не доходило, но и таблетки в какой-то момент стали ей мешать. Ведь единственное, что можно делать в больнице беспрепятственно, – думать. А как раз этого лекарства лишают. Ничего, сегодня она попросится на прием к профессору, поговорит снова. Может, сменит препарат или даст совет хотя бы. Все что угодно, лишь бы не видеть этот сон.

Желая реабилитироваться, Лия скользнула на прохладный потертый линолеум и босиком на цыпочках дошла до подоконника. Во-первых, резиновые тапки скрипели и чавкали, во-вторых, балетное прошлое сделало ходьбу на полупальцах привычкой.

На широком, почти полуметровом подоконнике всегда было удобно сидеть. Чугунная батарея греет снизу, голубые ели, увешанные вороньими гнездами, отвлекают от желтых стен. До завтрака еще около часа, а значит, получится записать все в дневник до обхода. Профессор просил записывать каждую деталь и непременно сразу после пробуждения, иначе что-то важное сотрется из памяти.

Но не успела Лия записать и дату, как женщина на койке у окна встрепенулась, села, безумно вращая глазами. Как-то ее зовут?.. Нет, так сразу и не вспомнишь. Новенькая. Вчера ее накололи, называли только по фамилии. Диагноз – параноидальный психоз, кажется.

Лия отвела взгляд, стараясь не шевелиться. Что бы там ни было у новой соседки по палате, лучше не привлекать к себе внимание. Сейчас детонатором может сработать что угодно: звук, резкое движение... Даже сам факт, что есть слушатель, может спровоцировать волну бреда.

Но женщина окружением интересовалась мало. Нет, ее заняла собственная подушка. Боковым зрением Лия отметила, как новенькая испуганно отползла в другой конец кровати, поджала ноги, обхватила колени руками и отчаянно замотала головой. Кажется, без релашки^[1] не обойдется. Теперь бы как-то мимо пройти к посту, чтобы еще не напала... Параноики такие: вдруг решит, что Лия – вселенское зло или дочка Сталина? Как задвинул недавно один дед, который все боялся, что она сдаст его на Лубянку, и высматривал в окне черную «Волгу». Потом все, ничем не переубедишь. И как хочешь спи в одной палате с такой соседкой, зная, что та нападет в любой момент. И хорошо, если успеешь вызвать медсестру.

Новенькая поначалу никак не реагировала на Лию, но стоило последней расслабиться и поверить, что она в безопасности, как женщина разогнулась пружиной и дугой прыгнула на подушку. Лия шарахнулась в сторону и больно ударилась локтем о железную спинку кровати.

– Да чтоб тебя... – не сдержалась она, потирая руку.

Взгляд вытаращенных глаз тут же переметнулся на нее.

– Ты с ними заодно, да? Они подослали тебя проверить? – Сухие искусанные губы новенькой почти не шевелились, было больше похоже на чревовещание.

– Нет, они меня тут тоже заперли. – Лия осторожно, без резких движений, продолжала пятиться к двери.

За пару месяцев нетрудно было раскусить врачей с их приемами и научиться применять на практике полученные знания. С бредом спорить не стоит, лучше подыграть. Тогда пациент раскроется и перестанет воспринимать тебя как врага. И агрессии меньше, а именно это сейчас Лию волновало больше всего.

– И твою подушку тоже набили мертвыми воронятами? – Недоверие новенькой сменилось заговорщическим азартом.

– А мою? – Блаженная шизофреничка с первой койки тоже проснулась и с любопытством потыкала в собственную наволочку.

– Всем! – разошлась новенькая. – Всем набили. Вот! – И принялась вдохновенно драть подушку, разбрасывая перья.

– Ой, надо же, – заулыбалась блаженная. – И у меня. А почему перья белые?

– Они их красят. – Новенькая так возбудилась, что даже привстала на коленях. – Чтобы никто не догадался. Если поджечь – краска слезет, и они будут черные.

Диалог явно заладил, и Лия, воспользовавшись этим, метнулась в коридор, на пост. Зажигалок в палате не водилось, но ждать, пока команда мечты найдет способ высечь искру, не хотелось... А как было тихо в выходные! Блаженная бродила по коридору и исцеляла верующих, вторая шурочка^[2] писала диссертацию о роли падших ангелов в грядущей третьей мировой войне. Женщина в возрасте, тихая и интеллигентная, общалась с врачами покровительственно и считала, что находится здесь, чтобы контролировать их деятельность. И вот подселили эту, с воронятами... Ладно уж. До обхода потерпеть, а там напичкают релашками. Если особо отличится, то и аминазином. Бедолага.

– Татьян Иванна! – Лия подлетела к сестринской, где спала постовая медсестра: пост в такую рань пустовал. Видно, спокойная выдалась ночь.

– Оу! – Жилистая, широкоплечая Татьяна Ивановна дернулась с кушетки и моментально сбросила шерстяное одеяло вместе с остатками сна.

– Там новенькая...

– Коломийцева? С параноидом?

– Да, она шумит, подушку рвет. Воронята там у нее...

– Ладно, причешем^[3]. Тут пока посиди.

Снискать благоволение Татьян Ивановны удавалось единицам, и Лия была в их числе. Во-первых, за ней не приходилось убирать, во-вторых, хрупкое маленькое тельце бывшей балерины вкупе с глазами олененка располагало к себе почти всех обитателей больницы, даже сотрудников. За исключением особо зацикленных параноиков. Но им в принципе не угодить.

– Танечка, Бутраковой из шестнадцатой поставьте три кубика... – В дверях сестринской показалась взлохмаченная седая голова доктора Фомина. – Лия?

– Здравсьте, Владимир Степанович. – Она пожала плечами. – Тут только я.

– Что так? Опять не спалось? – Он поправил очки, и стекла блеснули, отразив окна.

– Да там Коломийцева... Татьяна Ивановна ищет вас, наверное...

– Ладушки...

Он уже развернулся, но Лия окликнула его в последний момент:

– Владимир Степанович, а можно к вам... ну, на прием?

– Срочно?

– Да так, обсудить хотела... но если вы с ночного...

– Да ничего, все равно ты мне нужна была. – Он кашлянул, разгладил пальцами встопорщенную щетку усов. – Сегодня бабушка твоя приедет – спустишься после обхода. Час вам даю, у меня все равно пациент, а потом поднимайся.

– Бабушка? Но она же... В смысле мы не договаривались, и потом...

– Лий, – он укоризненно улыбнулся и погрозил пальцем, – встретишься. Другие бы вон за встречу что угодно отдали.

– Но я не...

– Вот и ладушки. – Фомин исчез так же быстро, как и появился, оставив Лию одну наедине с этой новостью.

Выходить из отделения разрешали не каждому, но это был тот случай, когда поблажка не радовала. Да, другие местные обитатели скучали по родным. Если их, конечно, помнили. Наверху, на четвертом этаже, бродили, шаркая ногами, бабки-нарушки^[4]. Нечесанные, с потерянным взглядом, в бесформенных рубищах в ромашку. Дина, суицидница со стажем, которую выписали в прошлом месяце, называла их зомбьяками. Они то вспоминали внуков, потом забывали снова, то вдруг принимали других за каких-то родственников. Может, если бы бабушка Лии вот так жила в трогательном ожидании теплоты, встреча с ней имела бы какой-то смысл.

Но нет. Валентина Михайловна руководствовалась единственным правилом: «люди скажут». Надо одеваться вот так, а то люди скажут. Не надо слушать музыку, а то люди скажут. Надо поступать в институт, а то люди скажут. Нельзя в психушку, а то люди скажут. Кто эти люди и почему они должны что-то говорить, Лия не знала. А потому предпочла просторную палату, пусть и с соседями, душевные беседы с доктором Фоминым и место, в котором никто ничего не скажет, а понятие нормы размыто. Не мешаешь другим? Молодец. Мешаешь? Скушай, деточка, нейролептик. За папу, за маму, за дедушку Толю из третьего отделения, который иначе запросто придет ночью и укусит за бочок. И нет, совершенно не фигурально. Зубами.

Лия выглянула в коридор: отделение еще не проснулось, только слышалось подвывание Коломийцевой. Поймали, стало быть, и через пятнадцать минут жизнь вернется в привычное русло.

На посту никого не было. Лия подошла к столу, воровато огляделась. Пробежалась пальцами по корешкам историй: Самохина, Сидорова... Вот. Спивак. Не хотелось, конечно, терять доверия Татьяны Ивановны и Фомина, бабушку подставлять... Просили же ее внятно и по-человечески: не надо приезжать. В смысле вот совсем не надо. Но нет, недели даже не прошло. Так что сама виновата. Ну, прокатится впустую, может, потом уже не захочет.

Нет? Никто не идет? Отлично. Пролистала свою историю, вытатила маленькое, подписанное корявым, убористым почерком Фомина разрешение на выход – и спрятала под мышку. После Татьяны Ивановны на пост заступит рыжая и злая Заварзина, или коротко по-местному Заза. А она дотошная. Без разрешения не выпустит. А Лия что? А Лия просто сделает грустные глаза.

Завтрак прошел быстро, потому что это не та церемония, которую хочется растянуть: в молчаливой компании соседок по палате склизкая овсянка кажется еще более пресной. На обходе Фомин только коротко кивнул в сторону Лии – значит, все обсуждения на приеме. И

Лия с остальными дееспособными коллегами по цеху отправилась на трудовую повинность.

– Спивак, держи, пыль вытираешь в холле. – Заза всучила Лие тряпки и пульверизатор.

– А мне почему полы? – возмутилась худая и угловатая, похожая на черенок швабры тетка.

– Потому что за ней все равно перемывать, – отрезала Заза. – Разошлись!

Лия не спеша взялась за цветы: медленно, методично вытирала каждый лист. И торопиться некуда, и интересно, что будет, когда придет бабушка. Телефон на посту зазвонил, едва Лия закончила с фикусом.

– Эй, Спивак, – окликнула ее Заза. – У тебя что, прогулка сегодня? Пришли там к тебе.

– Не знаю. – Лия невинно склонила голову, кося под свою блаженную соседку с шизой.

– Так... – Заза сурово влезла в историю, жалобно зашуршали страницы. – Нет тут никакого разрешения. Не выпущу. Ясно?

Сказано это было надсадно, с какой-то специальной театральностью. Мол, а теперь падай на колени и молись. Такого удовольствия Лия никому доставлять не планировала.

– О'кей. – Она равнодушно дернула плечом и, развернувшись, маленькой трудолюбивой пчелкой направилась к следующему цветку.

– Семеныч, – озлобленно рывкнула в трубку Заза. – Не выйдет она, нет разрешения... Что? А мне все равно, что там дед сказал... Без разрешения никуда не...

– Дед? – Лия замерла. – Подождите, За... Елена Вячеславовна, а что, там мой дед приехал?

– Дед, баба... Ты остаешься в отделении.

– А вы не могли бы еще раз поискать? Ну пожалуйста.

Лия сделала фирменное движение бровями. Но Зазу этим было не пронять.

– Я уже смотрела.

– А там? – Лия перегнулась через стол к лотку с результатами анализов и, изобразив неуклюжесть, уронила его на пол. Подкинуть разрешение было делом техники.

– Ты что себе позволяешь?! – взревела Заза и швырнула трубку на стол.

– Да я соберу, сейчас вот...

– Не трогай! Перепутаешь еще!

Кряхтя, Заза опустилась на корточки и принялась собирать маленькие листки, перемежая каждое свое движение добрым ругательством.

– А это что?.. – Лия аккуратно ткнула в нужную бумажку.

– Тебя не каса... – начала было Заза и нахмурилась. – Откуда оно здесь?.. Так и быть, спускайся, можешь идти.

Дед. Это меняло все. Но почему он все-таки приехал? Ведь поссорились в последний раз. «Ляжешь в дурку – разговаривать с тобой не буду» – вот и весь вердикт. А смысл ему объяснять? Он прожил с бабушкой много лет и уже сквозь пальцы смотрел на ее вечное ворчание. Лия пыталась привыкнуть. Честно. Но не смогла. Изнутри добивали сны с мертвым мужиком, извне – претензии бабушки. Разве она могла понять, что, кроме балета, Лия ни с чем не хотела связывать жизнь? Нет. Валентина Михайловна видела лишь восемнадцатилетнюю девицу, которая завалила ЕГЭ, отказалась от института, ничего не делала и не выходила из дома. Но жаловаться деду... неблагодарно как-то, Лия это понимала. Что бы там ни было, долг перед бабушкой неоплатный. Лишиться дочери и зятя в один день, тащить на себе подростка со странностями и депрессиями через всю старшую школу до выпускного... через больницы и закидоны... Однако можно было бы пореже всем этим

попрекать.

И дед, и бабушка были против решения Лии сдать в руки психиатров. Но каждый по своим причинам. Бабушка – потому что «люди скажут», дед – потому что не дала шанса им разобраться в ее проблеме. «Да что ты там этому Фомину по полтора часа рассказываешь?! Почему родным не сказать? Что он там несет про ранние признаки шизофрении?..»

Нет, Лия как решила один раз, что не станет грузить стариков своими проблемами, так и не отступала от своего решения. Это были ее мучительные кошмары. Им все это знать не надо. Она достаточно доставила хлопот: чего только стоили те полгода реабилитации после травмы. Сложный перелом, шифт... И это, и даже автокатастрофу, унесшую жизнь родителей вместе с ее мечтами о балетном будущем, Лия готова была пережить. Но каждую ночь снова и снова слышать визг тормозов, видеть искореженные тела и машины...

Нет, сама она с этим справиться не могла. Упаковала себя, перевязала красной ленточкой – и вручила доктору Фомину. Лечите, колите, укладывайте в хвойные ванны. Что хотите, только пусть это прекратится и пусть бабушка с дедушкой не видят ее такой. Избавить их от обузы казалось единственным правильным и взрослым решением.

Лия накинула толстовку и сбежала вниз по лестнице.

– Опять раздетая? – Бабушка вместо приветствия сухо поджала губы. – Ноги голые. Вот куда эта срамота! Я тебе лосины теплые передавала – где они? Шрамы эти светить... Люди скажут, что тебя дома покалечили...

– А я им сама всем так и говорю. И доктору Фомину. На каждом приеме. – Лия чмокнула холодную бабушкину щеку. Так привыкла наблюдать за зимой только из окна, что странно было ощутить ее холод губами. – Дед, ты как?

Дед тоже напрягся, но не оттого, что не увидел лосин. Старался не разрыдаться. Ох уж эта дедова сентиментальность...

– Да ладно тебе. – Лия повисла у него шее, прижалась к колючему и влажноватому от мокрого снега пальто. – Все ж нормально.

Он стиснул ее в объятиях, содрогаясь от полукашля-полурыдания. Пахнуло табачным дымом. Опять закурил. Небось прячется от бабушки в гараже, дымит, а потом трет руки керосином, чтобы перебить запах...

– Лиш, поехали домой, а? – шептал он. – Ну хватит уже. Ну доказала, что хотела. Поехали, а?

– Что ты там ее уговариваешь? – Бабушка деловито хмыкнула. – Взрослая она, куда деваться. Совершеннолетняя уже. Хочется человеку себе болезней выдумать? Хочется ничего не делать и в больничный потолок плевать? Пусть.

– Ба... – Радость от встречи осыпалась мелкой пылью. – Не надо...

– Да нет, ты делай что хочешь. Тебе же на других наплевать? Внимания тебе мало, наверное, было, да? Давай насобирай диагнозов. Шизофрения там, депрессия. Пусть пишут, не стесняются. Только вечно они тебя тут на казенных харчах не продержат. Опомнишься, но поздно! Ни образования, ни работы. И клеймо на всю жизнь.

– Ба, нет ничего такого...

– А я вот знаешь что? Я пойду к врачу твоему, и пусть он мне все скажет. Как есть. Чего он тебя тут держит. Может, тебе просто отдохнуть надо? Хотя непонятно, где ты так устала. Мы вон с дедом по сорок лет на двух работах – и ничего. Но ты отдыхай.

– Иди. – Лия равнодушно кивнула на дверь, и Валентина Михайловна слегка опешила от неожиданности. – Ну, чего ты? Иди спроси, какие я себе диагнозы выбила.

– И пойду! – Женщина упрямо всучила мужу пальто и двинулась к лестнице.

– А ты уверена? – озадаченно спросил дед.

– Если ее и пустят, то Фомин ничего даже обсуждать не станет. Пойдем, там диванчик есть.

Лия увлекла деда в широкий коридор, где в это время было тише всего, и усадила рядом с собой.

– А там кто? – Дед вытянул шею, пытаясь разглядеть кого-то у Лии за спиной.

Лия обернулась: из дальнего окна торчали жуткого вида ноги.

– А, это так. Бомж местный, Ржевский.

– Правда его фамилия?

– Не знаю, но ржет громко. Он тут каждую зиму торчит, а вот сейчас цикл на сигареты выменивает. Ну, циклодол. У нариков.

– Да что ж это, Лий! – Дед насупился. – И ты так спокойно... Может, позвать кого?

– А толку? Всех окон от него не позапираешь.

– Ладно, – вздохнул дед и сосредоточенно посмотрел на Лию. – Давай домой, а? Если надо, будешь сюда ездить хоть каждый день. Но не дело так... Как будто мы тебя в приют сдали. Ты нам нужна. И если Валя гундит иногда – она со всеми так. И меня пилит. А хочешь жить отдельно... Ты ей только не говори пока, но «волжанку» я продал. Толку? Все равно не езжу. А гараж вот утепляем с дядь Толей. Помнишь его? Из шестого дома. Чернышев из «Мостостроя» пеноплекса дал на ворота. Племянник Зинкин, Витек, заходил, помог. Будет тебе этот, как его... показывали вот недавно как раз по второму... лофт.

Лия удивленно округлила глаза.

– А что? Гараж кирпичный, кооперативный, я там и зимой не раз ночевал, и с мужиками сидели. Чем тебе плохо?

– Я подумаю, дедуль, правда... Спасибо. Но ты не переживай, здесь нормально. Seriously...

– Нет, это безобразие! – Бабушка локомотивом влетела в коридор, возмущенно пыхтя. – Разговор с родственниками – только в пятницу после обеда! А если мне неудобно?

– Ну тогда можно и без разговора. – Лия встала.

Она бы посидела еще немного с дедом, даже прошлась бы по территории. Но бабушка... Фомин четко сказал: никакого стресса. Значит, сбежать сейчас – это именно то, что доктор прописал.

– Ты уже? – Дед расстроено опустил плечи.

– Мне еще на прием сегодня, потом процедуры. – Лия сунула руки в карманы толстовки. – Да не смотри ты так, никакой ледяной воды и электрошока.

– А может, и зря. – Бабушка раздраженно дернула головой. – Тогда бы не занималась ерундой. Носятся с вами...

– Пока, дедуль. – Лия клюнула деда в сухую щеку и сдержанно кивнула Валентине Михайловне. – Спасибо, что приехали.

Уходить, зная, что в спину тоскливо смотрит дедушка, было непросто. Разговор с Фоминым сейчас был нужен как никогда. И не просто прием психиатра. Сеанс с психоаналитиком. Нужно было, чтобы кто-нибудь выслушал, не перебивая. Попытался понять, не осуждая, не обвиняя в эгоизме, как это постоянно делала бабушка. Почему Лия и сбежала из дома.

Перепрыгивая через ступеньку, Лия быстро добралась до знакомого кабинета.

Торопилась скорее оказаться в тихой комнате, пропахшей книгами, где со стен на тебя смотрят великие профессора, а один из них сидит прямо напротив. Чем быстрее он скажет хоть что-нибудь своим добрым, умиротворяющим голосом, тем быстрее испарятся угрызения совести перед дедом. А может, Владимир Степанович предложит поговорить за партией в шахматы... Он все-таки удивительный человек, Владимир Степанович.

Забыв про формальности, Лия толкнула дверь и застыла на пороге. На диванчике в кабинете профессора сидел парень. И уж точно он не был здешним пациентом: мотоциклетная куртка с красными лампасами, длинные курчавые волосы, стянутые в маленький высокий узел, драные джинсы... Лия и забыла уже, что бывает какая-то одежда, кроме пижам и ночнушек, и машинально одернула толстовку, завела ногу за ногу, прикрывая щрамы. Парня трудно было назвать таким уж красавчиком, но пристальный колючий взгляд черных глаз непонятно смущал.

– Лия, ну что ж ты так... без стука... – Доктор Фомин, которого она заметила только теперь, не ругал, а скорее мягко журил. – Это Мурад, познакомься. Мы недолго, полчаса. Подождешь в коридоре, ладушки?

2. Спи, не снижая скорости

Мурад

УПРУГО СЖИМАЮ КОЛЕНЯМИ Туза. Вибрирует, рычит, рвется вперед. Заднее колесо плюется мокрым снегом. К черту. Кто сзади – пускай умоется. Переключается светофор, зовет зеленым. Газую, с ревом вырываюсь вперед, лечу.

Город полупустой, горят вывески – но не витрины. Ночь. Время скорости, время кайфа. Наклон вправо, вписываюсь в поворот. Еще один. Цели нет – есть внутренний навигатор. Шепот в моей голове. Торговые центры, высотки, новостройки... Все мимо. Сейчас они просто безликая масса. Я должен попасть в самое сердце города, я чувствую это.

Кровь пульсирует адреналином, Москва летит в меня – или я в нее. Не знаю. С этим городом мы давно стали единым целым. Только покачивание на поворотах, только песня Туза. Мой Туз, мой верный конь. Кто не ездил на мотоцикле, тот вообще не знает, что такое дорога. Снежинки тают на стекле шлема, мелкие капли размывают реальность. Я еду почти на ощупь – и от этого кайф острее.

Черная плазма реки, вот бы взять, разогнаться, перемахнуть... Кремль в торжественной подсветке. Дешевый открыточный пафос. Мост, тугая тряска по брусчатке. Менты жалобно плачут сиреной, мигают... Лузеры. Правда думаете, что догоните?

Оп! Ограждение. Оп! Еще одно. И вот уже Тверская, укутанная электрическими гирляндами. Ближе, ближе, я знаю. Как в детской игре «холодно – горячо». Даже пальцы горят, а в груди извивается змейка предвкушения. Еще, здесь совсем недалеко... Темный бульвар, снова уклон вправо. Влево.

Лубянка. Как чувствовал! Дрожь в теле сливается с дрожью Туза. В горку – и вот оно. Авария, рыжие треугольники «Проезжай мимо!», скорая, менты, труповозка. Проеду я мимо, как же! Здесь меня ждут. И вовсе не эти клоуны в погонах и не те, кто колдует над черным мешком. И даже не тот бедолага в мешке. Меня ждет она, девочка со странным именем.

Торможу, ставлю Туза у тротуара. Шлем повисит на руле. Под ногами хрустит соль. Ну и грязь же тут! И охота девчонке сидеть прямо так, на асфальте у входа в магазин? Плачет, бессильно царапает ногтями гранит ступеней, ведущих в магазин фарфора. Сажусь рядом на корточки, касаюсь плеча.

– Ты в норме?

В ужасе смотрит на меня, огромные глаза становятся мультяшно круглыми. Рот искажается в беззвучном крике.

– Спокойно, я здесь. Знал, что найду тебя.

Что-то бормочет. «Нет-нет-нет...» Что за истерика? Я должен читать по губам?

– Выдохни. Ты не одна. Давай руку, вставай...

Протягиваю ладонь – пух! Пальцы тонут в белесой дымке. Там, где секунду назад сидела девушка, больше никого.

– Трусиха!..

Мурад резко открыл глаза, сел в кровати. Черт! Все оборвалось так быстро... А засыпать снова глупо: все равно ничего интересного, ведь Лия уже проснулась. И почему женщины

любят все усложнять? Нет, он поговорит с ней, хочет она этого или нет.

Лия. Олененок с ножками-спичками и глазами во все лицо. Печальными глубокими глазами. Мурад терпеть не мог вот таких феечек. Дунешь – рассыплется, чихнешь – заболит, скажешь слово – обидится. Встретил бы в клубе или на вечеринке, даже близко не подошел бы. Матери хватает с ее вечными истериками. Но там, в дурке... В первый раз Мурад почувствовал, что не зря убивает время у Фомина. Лия влетела в кабинет, и он узнал ее. Прежде видел во сне не раз и не два, но все как-то издалека. Искал, пытался догнать, будто хотел спросить что-то – и забывал, едва проснувшись. Она то убегала, то сидела за стеклом, которое никак не удавалось разбить. И все время спиной. Ни разу лица даже ее не видел. А вот ворвалась в кабинет – и он понял. Почувствовал – это она. Девушка из его снов. И короткая встреча будто разрушила невидимые преграды между ними: впервые она заговорила с ним во сне, повернулась лицом.

Мурад так долго объяснял этому старперу Фомину, что не надо его лечить! Нет, не навязчивая это идея, не мания и не глюк. Просто кто-то живет так, как в букваре написано, а кто-то не по правилам. И это не повод накачивать людей транквилизаторами. Фрейд недоделанный... А ее вот поймали. Или сама сдалась? Эта, судя по всему, могла. И ведь надо: с такой радостью рваться к Фомину! Может, ей и правда есть от чего лечиться? Плевать. Он должен поговорить с ней, должен. Она увидела его, поняла, что он ее видит. Разве этого мало? Разве ей самой не любопытно, что это значит? Пора вытаскивать девчонку из ее панциря.

Мурад натянул спортивные штаны, вышел из комнаты. Босиком, чтобы не шуметь. Но даже до лестницы не добрался, как что-то воткнулось в ногу. Пошатнулся, зацепился... Да чтоб тебя! Грохот, треск пластмассы, боль. Теперь точно до крови.

– Мелкая задница...

Катя опять не убрала с пола своих принцесс. Будет скандал. Визг, нытье, сопли. И новый кукольный замок, иначе ее не заткнуть.

– Мама... – послышалось из-за двери.

Капец. Отлично просто. А виноват во всем кто? Мурад. По-другому в этом доме не бывает.

В глаза резанул свет, мама выскочила из спальни с таким видом, как будто настал ядерный апокалипсис.

– Что опять? Господи, Катюшин замок! Ты хоть смотришь, куда идешь?!

– Не пробовала приучить ее убирать игрушки? – вяло огрызнулся Мурад.

– Что ты матери хамишь? – Без отчима разве может обойтись хоть раз? Высунулся из комнаты, жирная опухшая рожа. – Опять без футболки? Я сколько раз говорил, чтоб никто этого дерьма не видел?

– Валер, не надо...

– Мама-а-а! – зашла у себя в комнате Катя.

– Не хочешь на дерьмо смотреть, зеркало завесь, – выплюнул Мурад, отшвырнул розовый обломок замка и пошел, припадая на левую ногу, к лестнице.

– Мур, извинись сейчас же! – взвизгнула мать.

– Гаденыш неблагодарный! Свет, ты долго будешь это терпеть?

– Валер, не надо...

– Мама-а-а!

– Кусенька, мама идет!..

Мурад съехал по перилам на второй этаж и направился в гостевую ванную. Ступня кровоточила, в самом центре застрял кусочек пластмассы. Сунул ногу под душ, смыл кровь, чтобы лучше видеть. Достал. Вроде все. Ну почти – если не считать дорожки из кровавых пятен, которая тянулась из коридора. Супер, вторая причина для скандала. А все потому, что долбанутый отчим разложил по всему дому итальянские ковры. Вдруг кто-то из гостей еще по мрамору в холле не догадается, что этому придурку деньги девать некуда. Или вдруг дебилы фонтаны по всему саду – это недостаточно пафосно. Идиот.

Мурад плеснул водой в лицо, почистил зубы гостевой щеткой и тут же выбросил ее в урну. «Чтоб никто этого дерьма не видел...» Дерьмом Валера называл татушки на лопатке и плече. Что, человек не может сделать себе подарок на совершеннолетие?

Имя отца с крыльями – на спине, чтобы помнить. Потому что здесь все явно старались его забыть, особенно мать. Отцовская родня не оценила бы: у мусульман такое не принято. Но у них не принято и жениться на русских, и уж тем более крестить детей. Поэтому карачаевских родственников Мурад видел только на фото, и то раз в жизни. Для них же он попросту не существовал. Почтил память отца как мог и не собирался ни перед кем оправдываться.

По плечу тянулся курсив на латыни: «Vivere militare est». Жить – значит бороться. Разве нет, спрашивается? Что он такое набил? Пентаграмму, может, или заклинание по призыву Сатаны? Нет. Но мать, судя по всему, считала иначе. Рыдала, заламывала руки, когда впервые увидела. Бегала советоваться к бабушке, неделю играла в молчанку. А потом со скорбным лицом явилась в комнату сына:

– Мы с отцом тебя просим: пожалуйста, хотя бы дома прикрывай... это. Чтобы Катя не увидела.

С отцом... Ну да, конечно. Может, еще называть его «папа Валера»?

Мурад зарекся что-либо доказывать матери. Убеждать ее. Она только смотрела на него – молча, со слезами на глазах. Один раз совершил ошибку: рассказал про сны. И то только потому, что Валере мешали спать ночные крики. И разговор был вовсе не в духе: «Сынок, тебя мучают кошмары?» Нет. «Мур, покажи руки. Я не буду тебя ругать, но, если дело в наркотиках, мы должны знать».

Маленькая откровенность – и вот он уже два раза в неделю катается к профессору – чтоб его! – Фомину. «Ты не понимаешь, он прекрасный специалист... лучший в своем деле...» В каком деле? Навешивании ярлыков и промывании мозгов?

Мурад собирался распрощаться с ним прямо вчера, на приеме. Договориться по-взрослому: «Я буду тебе платить вдвое больше, чтобы ты говорил маме, что я в порядке. Но видеть ты меня будешь только в чеках. "Мурад Артурович Б." – вот единственный возможный формат свиданий». Но с появлением Лии все изменилось. Теперь у Мурада была цель, а ради цели стоит побороться.

Когда он спустился на кухню, уже начинало светать. Бледный рассвет пролитым кефиром растекался по небу, возились алабаи в вольере у забора. Поесть бы... но холодильник забит йогуртами и зелеными овощами, потому что Валере требовалось снизить холестерин, и мама решила усадить всю семью на здоровое питание. Хлеб – только зерновой, сыр – какой-то белый и непонятный... Ладно, перехватить можно и в фастфуде по дороге в больницу.

Загрузил кофеварку, чтобы хоть немного убить время, пока наверху не стихнет возня. Выпил свою дозу будильника и уже было решил, что все чисто, но на кухню полтергейстом

вплыла мать.

– Мур, опять?

Что «опять»? Опять ты собралась разводить трагедию на пустом месте? Опять прочтешь лекцию о благодарности «папе Валере» за то, что он вытащил нас из нищеты? Не бросил твоего сына-хача, как он частенько под водочку хвалится друзьям? Образование дал, деньги? Не-а, мам, не в этот раз.

– Мне надо ехать. – Мурад пихнул пустую кружку в посудомойку и снял с крючка ключ от мотоцикла.

– Куда? Мур, ну поговори со мной! – Она выдавила слезу и обхватила себя руками. – Пожалуйста! Снова сны?

– Не переживай, я как раз к твоему доктору Фомину. Только не рассчитывай сдать меня в дурку.

– Да никто не хочет тебя сдавать! Я помочь хочу...

– Заметно.

– О господи... – Она отвернулась, театрально всхлипнула. – Что ж ты все время издеваешься над нами?

– Мам, не начинай, а? – Он коснулся ее плеча. – Вычти Катькин замок из моих карманных. Или давай сам заеду куплю...

Мать подняла на него влажные глаза, которые должны были убедить его в собственной жестокости, потом вдруг заметила ключ от мотоцикла.

– Ты что, на нем ехать собрался?! Я тебя умоляю, пожалуйста, не надо! Снег, гололедицу передавали...

– И?

– Опасно! Разобьешься, мы ведь договаривались: только в сухую погоду...

– Никто ни о чем не договаривался, просто ты так сказала... А, на фиг все... – Мурад швырнул ключ на стол и боком, чтобы даже не касаться ее, выскользнул из кухни.

Натянул первое, что попало на глаза, и, вызвав такси, вышел дожидаться его на улице. Холод бодрил, лез под куртку, выкручивал соски. Но Мурад не признавал двух вещей: шапок и идиотских пуховиков. Ту мешковатую дрянь, которую купила мать со словами «посмотри, и попу прикрывает, и очень даже спортивно», носить не собирался. Если ты такой слабак, что мерзнешь от первого минуса, то просто лучше не выходи из дома – и все.

За Барвихой все стояло, зато в пробке появилась куча времени обдумать стратегию. Мурад не особо рассчитывал на содействие со стороны Фомина. Нужен был запасной план. Главная задача – установить связь с Лией. Учитывая ее пугливость, дело непростое. К тому же обычные подкаты и способы стрельнуть телефончик вряд ли сработают с ней так же легко, как с подвыпившей телочкой из клуба. Да и не факт, что мобильные вообще разрешены в психушке. Пару недель назад Мурад видел в приемном, как какого-то мужика шмонают санитары. Усерднее, чем в тюрьме. Отобрали все, включая ремень и расческу. Значит, надо это исправить.

– Притормози тут на пару минут. – Мурад указал на салон мобильной связи.

– Сейчас, братан. – Водитель лихо перестроился в крайний ряд и встал на аварийке.

Еще одно преимущество отцовских кровей: никаких барьеров в общении с кавказцами.

Мурад зашел в салон, ткнул в первый попавшийся гаджет. Не самый нищесбродский, разумеется, чтобы Лия не сочла его жмотом.

– И симку сразу поставьте.

– По новым правилам мы должны ждать проверки паспортных данных две недели...

– А, ну ждите. Куплю в другом месте. – Мурад уже развернулся, чтобы уйти, но прыщавый очкарик поймал его в дверях:

– Подождите... – Опасливо покосился на камеру наблюдения, потом на коллег. – Если вам срочно, я могу дать с архивным тарифом, но как бы... не совсем официально.

– В подарок? – улыбнулся Мурад. – Отличная мысль.

– Но я не...

Мурад затряс потную ладонку продавца в рукопожатии, оставив там пару купюр.

– Ах да... – изменился в лице тот, – в подарок.

Бледнея и краснея, запихнул какую-то симку из ящика в новый телефон и протянул Мураду.

– Спасибо за покупку. Приходите еще...

– Обязательно.

Теперь план «Б» выглядел даже привлекательнее, чем «А». Но все-таки с Фоминым попробовать стоило.

Нетерпеливо постукивая пальцами, Мурад ждал, пока больничный охранник коряво спишет паспортные данные в книгу посетителей. В плохих фильмах иногда говорят: «Я ждал тебя столько лет, подожду еще». Кто-то в это верит? Чем дольше ждешь, тем сильнее внутри все гудит от предвкушения, тем дольше тянется каждая минута промедления. Мурад не знал еще толком, что скажет ей, когда они увидятся, а увидятся они сегодня, иначе он никуда не уйдет. Наверное, стоит выяснить, что за авария была там, во сне. Почему она так боялась... Неужели он сумел проникнуть в ее сны? Интуиция подсказывала Мураду, что он вышел за границы собственного подсознания. И теперь был твердо уверен: между ним и Лией есть какая-то связь. Непонятная, но ощутимая, как февральский холод. Ведь существует не только то, что ты можешь потрогать...

Мурад ворвался в кабинет Фомина точь-в-точь как Лия вчера. Правда, сегодня никаких посетителей не было.

– Можно на пару минут? – Мурад прошел к столу врача.

– Вообще-то нет. – Фомин поправил очки и чуть вытянул губы, словно произнося слово «изюм», отчего густые седые усы изогнулись дугой. – Насколько я помню, я сегодня тебя не приглашал. И здравствуй.

– Ага, день добрый. Но я не на прием, это срочно – и быстро.

– Мурад, мы обговаривали, что в случае острой необходимости надо сначала звонить. Я занят. – Фомин кивнул на экран ноутбука. – Подожди, пожалуйста, снаружи, пока я...

– Пасьянс доразложите? – Мурад фыркнул и перегнулся через стол, чтобы заглянуть в компьютер.

Но на экране была не «Косынка» и даже не покер. Доктор общался по видеосвязи с какой-то круглолицей девушкой. Налаживает, старый перец, личную жизнь! Увидев Мурада, она отшатнулась. Да что ж такое с ними всеми? Расистские стереотипы?

– Привет, красавица. – Мурад выдал соответствующий акцент. – Доктор тебе перезвонит.

– Что ты себе позволяешь?! – Фомин оттолкнулся от края стола и отъехал на кресле, чтобы встать. – Выйди сейчас же! Наташенька, извини, одну минуточку, ладушки?

– Ладушки, Наташенька. – Мурад захлопнул ноутбук и выпрямился. – Я же сказал, Владимир Степанович, много времени это не займет.

– Зачем ты пришел? – Доктор поднялся. – Хочешь, чтобы я прекратил лечение? Не

хочешь больше приезжать, но решил переложить решение на меня? Чудненко. Но это так не работает. Ты сам скажешь родителям, что отказываешься от лечения. Я здесь никого не держу.

– Я не об этом, хотя да, эти ваши таблетки слишком дорого стоят, чтобы засорять ими унитаз. Мне нужна Лия.

– Лия? – Гнев сполз с лица доктора, уступив место профессиональному интересу. – Лия, которая вчера заходила? Зачем, хотелось бы мне знать?

– Я хочу встретиться с ней и поговорить. Недолго.

– Понятно. – Фомин прищурился, беззвучно пожевал губами, будто проговаривая что-то про себя.

– И что же вам понятно?

– Ты думаешь, что это она тебе снилась. Ты переносишь образ из снов на нее.

– Ну давайте, навесьте мне теперь паранойю или маньячизм.

– Маниакальный психоз? – Фомин снова опустился в кресло, повертел в руках степлер. – Не совсем. Видишь ли, Мурад... В твоём случае – и в случае Лии – еще рано ставить диагноз. Но я всегда говорил: лучше предупредить, чем лечить. Если понять проблему на зачаточной стадии, с ней еще можно работать. Глубокие психические патологии чаще не лечатся. И чем раньше купировать ситуацию, тем качественнее потом будет жизнь.

– Супер. А поговорить с ней можно?

– Видишь ли, ты находишься в стадии отрицания. Лия шагнула вперед, она поняла, что проблема есть. Ей сейчас не нужны лишние переживания, стресс. А ты неизбежно потянешь ее назад.

– Лежать здесь – не стресс? Типа вот все эти психи вокруг нее – не стресс, а один разговор с нормальным человеком...

– Нам лучше закончить на этом, Мурад. Лию ты не увидишь. Не сегодня, по крайней мере. Когда она сама будет готова к выписке, она примет решение. Но не сейчас.

– Что значит «сама»?

– Лия здесь добровольно, и я уважаю ее выбор. – Фомин сложил руки замком. – Она доверила свое здоровье мне. Пока я отвечаю за нее, ты ее не увидишь.

– Да что за бред!..

– Сейчас тебе лучше уйти. Не заставляй меня вызывать охрану или санитаров и менять формат наших отношений.

Мурад хотел сказать пару ласковых этому придурку, но Фомин явно не шутил. А уходить под руки с санитарями Мураду не улыбалось. Хмыкнув, он выскочил, хлопнув дверью. Зря он сразу не выбрал план «Б».

Прошел по коридору, но не на выход, а в другую сторону, к табличке «Дневной стационар». Осмотрелся, перебирая варианты. В таком виде из отделения вышвырнут сразу. Нужно что-то... Вот. Ординаторская. Прислушался: тишина. Заглянул осторожно, увидел чей-то силуэт на тахте. Врач спал, укутавшись пледом. Мурад медленно протянул руку к вешалке, снял первый попавшийся халат. Вроде по размеру нормально. Великоват, но не критично. Прикрыл дверь, оделся – и вот он уже не посетитель, а... как их... не аспирант, не стажер... Практикант! Да, кажется, так это у них называется.

С равнодушным видом Мурад прошел через весь дневной стационар к дальней лестнице, не привлекая ни малейшего внимания. Не халат, а плащ-невидимка. Воодушевленный успехом, спустился на пару пролетов вниз. Двенадцатое отделение.

Пятое... Девятое... Логично! И как узнать, где искать Лию? Нельзя было сделать просто мужское и женское?.. Так... вот, с виду не самые психованные тетки. Мурад вошел, двинулся к посту, стараясь не вдыхать характерное больничное амбре. Спокойнее, ты здесь не впервой, увереннее. Не дергаться.

Так, полка с картами. Вряд ли здесь много пациенток с именем Лия. Акимова Зинаида, Ананьева Елена...

– Что ты здесь копаешься? – возмутился кто-то у Мурада за спиной.

Всего лишь медсестра. Женщина за пятьдесят с уставшим мешковатым лицом. Морщинистая, дряблая кожа под глазами висела, как французские шторы у Валеры в гостиной.

– Я от Фомина, – отозвался Мурад.

– Ординатор, что ли?

– Да. Мне нужна история, пациентку опросить.

– А спросить не мог? Обязательно все переверорщить? – Сестра с недовольным видом отпихнула Мурада и подошла к полке. – Ну? Фамилия какая?

Мурад изобразил приступ забывчивости.

– Вот черт!.. Шел – и помнил, а отвлекли сейчас меня, и прям из головы вылетело... Лия Ка... Ма...

– Ка-ма, – передразнила тетка. – Как ты институт-то закончил с такими талантами? Спивак, что ли?

– Точно! – Мурад улыбнулся. – Так можно карту?

– На. – Сестра нехотя пихнула ему историю болезни.

Мурад скользнул взглядом по обложке: «7 отд. 14 пал».

– Спасибо, только Фомину не говорите. – Мурад жалостливо вздохнул. – Убьет.

– Убьет! – Тетка покачала головой и повеселела. – Скажи спасибо, тебя к Мутовкину не определили! Ты бы всю следующую неделю за санитаря надрывался!

Мурад кивнул с благодарностью и направился к нужной палате. Лия Романовна Спивак. Вот, значит, как тебя зовут...

Она сидела на подоконнике с книжкой, улыбалась. Здесь она была самая нормальная: женщина на койке ближе к двери раскачивалась с блаженным видом, другая безумно куталась в одеяло, будто прячась от кого-то.

– Лия Романовна, добрый день. – Мурад попытался изобразить классического врача. По крайней мере, когда он в детстве завис на неделю в Филатовке после аппендицита, с ним разговаривали именно так. – Как себя чувствуем?

Лия оторвалась от книги – и тут же изменилась в лице. Тот же страх, что парализовал ее ночью.

– Ты?.. – пробормотала она. – Уходи, пожалуйста.

– Я новый ординатор...

– Не ври! – Она спрыгнула с подоконника и яростно сверкнула глазами. Так забавно! Как будто сердитый котенок. – Ты его пациент... Уходи, если тебя здесь увидят...

– Нам надо поговорить.

– Даже не думай! – Она шептала сквозь зубы. – Сюда нельзя посетителям!

– А ты всегда делаешь только то, что можно? Брось, ты ведь видела меня сегодня.

– Вчера.

– Нет. Я не про кабинет. Ночью. Во сне.

– Бред. Чушь какая-то. Уходи.

Врет. Наивная...

– Послушай, ты мне снишься уже давно... Я искал тебя... – Он взял ее за руку и невольно ощутил неистовое трепыхание пульса, как у тойтерьера, этой вечно дрожащей соседской собачонки.

– Пусти! Дешевый подкат! Не уйдешь – буду кричать.

– Да не подкатываю я! Ты должна мне поверить!

– Нина! – Лия отскочила от Мурада и подбежала к безумной тетке в одеяле. – Нина, это он. Он подложил воронят в твою подушку.

– Воронят?.. – Мурад непонимающе нахмурился. – Что за...

– Убью! – прохрипела Нина сорванным голосом. – А-а-а! Убью!

– Ты все равно поговоришь со мной. – Мурад на мгновение прижался к Лие, незаметно бросил в карман ее кофты новенький телефон и бросился вон из палаты, пока на крик не сбежались санитары.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/38k>

---

notes

Релашка – транквилизатор (*сленг*).

Больная шизофренией (*сленг*).

Причесать – вколоть успокоительное (*сленг*).

Пожилые пациентки с нарушением мозгового кровообращения (*сленг*).